

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1991 г.

ПЛУНГЯН В. А., РАХИЛИНА Е. В.

О СБОРНИКАХ СТАТЕЙ ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ «ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА»

Перед нами четыре сборника: «Прагматика и проблемы интенциональности» (М., 1988); «Знание и мнение» (М., 1988), «Референция и проблемы текстообразования» (М., 1989) и «Проблемы интенциональных и прагматических контекстов» (М., 1989)¹.

Несмотря на то, что сборники тематические и основная направленность каждого из них в целом отвечает проблеме, вынесенной на обложку, нам кажется более естественным рассматривать их не последовательно, а одновременно. Дело в том, что мы не сможем, конечно, обсудить в отдельности каждую статью (их 55); ограничения в таком случае неизбежны.

1

Итак, начнем с самой большой тематически связанной группы работ, все они посвящены семантике и прагматике ментальных предикатов. Это в первую очередь статья М. А. Дмитривской «Знание и мнение: образ мира, образ человека» [«Знание»], где дан прекрасный исторический обзор представлений о понятиях знания и мнения (Платон, Виттгенштейн, Дж. Э. Мур, Я. Хинтиikka, Прайс, Причард и др.). Ее же статья «Знание и достоверность» [«Прагматика»] посвящена сопоставлению опытного и выводного знания. Основные наши знания получены из опыта непосредственного восприятия; но есть знание, которое получено логическим выводом или обобщением прошлого опыта.

Однако, как следует из статьи Е. Р. Иоанесян «Знание и восприятие», напечатанной в том же сборнике, непосредственное восприятие далеко не всегда влечет знание. Е. Р. Иоанесян приводит классификацию случаев, когда воспринимающий субъект не может по каким-то причинам идентифицировать воспринимаемый объект и вследствие этого не обладает знаниями о нем (ср.: *Я видел эту улочку, но не знал, что это улица Семашко*). Этой же теме посвящена статья Н. Д. Арутюновой «Полагать и видеть: к проблеме смешанных пропозициональных установок» [«Проблемы»], раскрывающая взаимодействие перцептивной и эпистемической сфер на примере глагола *видеть*.

Специальной проблеме, касающейся семантики предиката *знать*, посвящена статья Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Транзитивность знания как семантическая проблема» [«Знание»]. Из того, что *X считает, что У считает, что Р*, не следует, что *X считает, что Р* — предикат *считать* нетранзитивен. Напротив, предикат *знать* в русском языке транзитивен: из *X знает, что У знает, что Р* следует, что *X знает, что*

¹ В дальнейшем изложении мы будем пользоваться сокращенными названиями: соответственно, «Прагматика», «Знание», «Референция» и «Проблемы».

Р. Транзитивность глагола *знать* будет объяснена, считают авторы, если несколько видоизменить толкование глагола *знать*, предложенное Анной А. Зализняк: *Он знает, что Р* = «Он знает, что *Р*» и «Я знаю, что *Р*» [1]. Предлагается считать семантическим представлением выражения *Х знает, что Р* конъюнкцию двух ассерций *Р & К (Х, Р)*, где *К (Х, Р)* — предикат, соответствующий ментальному состоянию знания. При этом «смысл *К (Г, Р)* вычитывается из высказывания *Х знает, что Р* как речевая импликатура ассерции *Р*».

И. Б. Шатуновский («Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика» [«Знание»]) рассматривает сразу целую группу предикатов, семантически связанных с глаголом *знать* — это предикаты так называемого «мысленного мира человека» — *думать*, *считать*, *верить*, *предполагать* и т. д. Предлагается единая схема толкования всех этих глаголов; различия между этими предикатами описываются как относящиеся к коммуникативной или презумптивной зоне. Приводится (с. 270) сводная таблица толкований эпистемических предикатов, позволяющая оценить полученные автором результаты. Естественно, этот подход не исключает того, что при полексемном индивидуальном анализе семантические описания окажутся другими — более глубокими и детальными (ср., например, анализ глагола *верить* у М. Г. Селезнева в статье «Вера сквозь призму языка» [«Прагматика»]). В частности, как показано в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Ментальные предикаты в аспекте аспектологии» [«Проблемы»], для адекватного семантического представления многих ментальных предикатов необходимо толковать отдельно каждый член видовой пары (*верить* и *поверить*, *догадываться* и *догадаться* и т. п.).

Внимание исследователей привлекают не только проблемы интерпретации ситуации знания, но и загадка «незнания». Ей посвящены две статьи в сборнике «Знание»: «Некоторые особенности предиката *не знать*» (Е. Р. Иоанесян) и «Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания» (И. М. Кобозева). В статье Е. Р. Иоанесян описываются свойства предиката *не знать* — предлагается его толкование и исследуются противопоставительные конструкции с союзом *но* типа **не знает, что Петя пришел, но думает, что пришел; не знает, пришел ли Петя, но думает, что пришел; не знает, кто это сделал, но думает, что не Петя*. Здесь в контексте предиката *не знать* выступают три типа косвенных вопросов. Основная задача автора — объяснить, почему в приведенных противопоставительных конструкциях они ведут себя по-разному. Идея состоит в том, что союз *но* противопоставляет не два противоположных утверждения, (ср.: **Я девочка, но я мальчик*), а также два утверждения, у которых одно противоположно следствию из другого (ср.: *Меня зовут Сью, но я мальчик*). Это «попутное» открытие, связанное с семантикой союза *но*, кажется очень интересным.

В статье И. М. Кобозевой объясняются некоторые запреты на поверхностное отрицание в контексте перцептивных предикатов (*видеть*, *замечать*, *слышать*, *ощущать*), предикатов «ложного восприятия» (*мерещиться*, *чудиться*, *казаться*) и ментальных предикатов (*представлять себе*, *воображать*, а также *думать*, *верить*, *предполагать* и др.).

В кругу статей, связанных по своей семантике с предикатами знания и мнения, выделяется группа работ, в которых эти предикаты являются уже не целью, а инструментом исследования. Это статьи, посвященные

косвенным вопросам, модальным контекстам предикатов пропозициональных установок и имплицитным пропозициональным установкам в причинных и условных конструкциях.

Косвенным вопросам посвящены сразу две статьи [«Знание»]. Это статья Е. В. Падучевой «Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова?» и статья Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?». В первой статье обсуждается сама возможность задавать глаголы, способные подчинять косвенный вопрос, не списком, а семантическим признаком. В качестве такого признака предлагается компонент «знание» в семантике вершинного предиката: косвенный вопрос вводят глаголы, содержащие компонент «знание». При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что есть глаголы, к которым в такой простой формулировке это правило плохо применимо (ср. *сомневаться* или *догадываться*, рассматриваемые отдельно, см. с. 43) или не применимо вовсе (ср. *подозревать*, с. 44). Кроме того, данное правило «оставляет без объяснения факт затрудненной сочетаемости глаголов типа *знать* с общим вопросом» (с. 44) и отсутствие косвенного вопроса при глаголах мнения. Для объяснения этих случаев Е. В. Падучева указывает на действие факторов другой природы — в частности, прагматической и коммуникативной. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отказываются от выделения единого семантического признака у глаголов, подчиняющих косвенный вопрос, и предлагают связывать возможность косвенного вопроса не с фактивностью предиката, а с особенностями коммуникативной структуры высказывания.

В работе Анны А. Зализняк и Е. В. Падучевой «Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте» [«Проблемы»] исследуется значение глагола *мочь*. Основное в семантике *мочь* — это отсутствие препятствий к совершению действия. Препятствия, однако, могут быть разными в зависимости от типа действия; поэтому в разных контекстах употребления возникают разные значения глагола *мочь* (эпистемическое, пермиссивное и т. д.) и для их описания требуется видоизменение толкования. Выясняется, что особенно идиоматично поведение *мочь* с глаголами ментально-эмоциональной группы.

Предикаты знания, наряду с другими предикатами пропозициональных установок, вводятся как инструмент описания семантики причинно-следственных и условных конструкций в статье Е. Э. Разлоговой «Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях» [«Знание»]. Во многих случаях причина и следствие, связанные в предложении союзом или союзным словом, не могут быть проинтерпретированы как обозначающие события, непосредственно следующие одно из другого. Ср. пример Е. Э. Разлоговой: *Мальчик убежал, потому что залаяла собака*. События эти могут быть не только семантически разнородны, но и разнесены во времени, ср.: *Если Иванов решил задачу, то Петров тоже решил*. Чтобы описать такого рода случаи, необходимо восстановить связи, «потерянные» при переходе к поверхностному выражению. Е. Э. Разлогова предлагает использовать с этой целью предикаты пропозициональной установки, так что, в частности, последний пример должен интерпретироваться как «Если известно, что Иванов решил задачу, то я уверен, что Петров решил задачу». В этом случае сопоставляемые ситуации оказываются семантически более близкими и уж во всяком случае имеют место одновременно. Легко видеть, однако, что предлагаемое решение не может полностью снять поставлен-

ной в статье проблемы: ситуации «Мальчик услышал, как залаяла собака» и «Мальчик убежал» (пара, полученная в результате восстановления пропозициональных установок) почти так же далеки друг от друга, как и исходные «Собака залаяла» и «Мальчик убежал», — необходимо восстановить целую цепочку пропущенных предикатов, чтобы эти ситуации оказались связанными; вместе с тем, несомненно, что для какой-то группы примеров процедура, предложенная в статье Е. Э. Разлоговой, окажется достаточной.

3

Обращаясь к другим группам статей, представленных в сборнике, можно заметить некоторый сдвиг исследовательских интересов от «внеличностных» глаголов знания к семантическим понятиям, которые несут более или менее отчетливую печать субъективности (возможно, в таких статьях более заметна и печать личности их авторов, что делает их интересными в целом ряде дополнительных аспектов).

Эту группу статей возглавляют статьи Н. Д. Арутюновой «Образ: опыт концептуального анализа» [«Референция»], М. Г. Селезнева «Вера сквозь призму языка» [«Прагматика»] и Анны А. Зализняк «О семантике сожаления» [«Прагматика»].

Образ — это, согласно Н. Д. Арутюновой, результат видения, восприятия мира. В статье, посвященной этому слову, строится его концепт, противопоставленный, например, понятию символа. Таким путем автору удастся восстановить важный фрагмент наивной картины мира, воплотившийся в естественном языке в контекстах, сочетаемых характеристиках и поверхностных ограничениях на употребление слова *образ*.

Статья Анны А. Зализняк, посвященная глаголу *сожалеть* и его ближайшим синонимам *жаль*, *жалеть* и др., опирается на увлекательный и парадоксальный языковой материал: глагол *сожалеть* объединяет два противоположных значения (сожалеть можно и о плохом, и о хорошем). Ср.: «Расхождение между *сожалеть 1* и *сожалеть 2* обусловлено тем, что в качестве ситуации Р, соответствующей пропозициональному актанту предиката, выбираются противоположные термины сравнения: в *сожалеть 1* это положение дел, существующее в действительном мире, которое имеет знак «минус» (например, совершенная ошибка), а в *сожалеть 2* это, наоборот, несуществующее положение дел, имеющее «знак «плюс» (например, счастливые годы юности)» (с. 202). В некоторых случаях это противопоставление нейтрализуется; ср. текст, в котором удачно представлены все семантические возможности: *Я полон дум о юности веселой, но ничего в прошедшем мне не жаль* (нейтрализация). *Не жаль мне лет, растрченных напрасно* (сожаление о плохом), *не жаль души сиреневую цвет* (сожаление о хорошем). Однако сам по себе интересный языковой материал оказывается, кроме того, иллюстрацией к лингвистической модели изменения мира во времени, контуры которой намечены в статье.

Весьма оригинально заключение статьи, где мы, в частности, читаем (с. 205): «Любое сожаление омрачает жизнь человеку мыслью о том, что „все могло быть иначе“ и ...лучше, чем есть. Поэтому, как учит нас Спиноза, сожаление вредно».

4

Рассказ о серии статей, посвященных проблемам прагматики, естественно начать с обзора теорий формализации этой области языка — речь

идет о статье логиков В. В. Петрова и В. Н. Переверзева «Прагматика: формальная репрезентация или логическая модель?» [«Проблемы»]. В обзоре сопоставляются две теории: ситуационная семантика Дж. Барвайза и Дж. Перри и «иллокутивная логика» Дж. Серла и Д. Вандерверкена.

Статья Ю. Д. Апресяна «Прагматическая информация для толкового словаря» [«Прагматика»] названа обзорной самим автором. Между тем она вовсе не похожа на обзор в обычном понимании этого слова. Здесь дана систематизация разных типов прагматических значений. Перед нами своего рода справочник по прагматике, где наряду с трактовкой широко известного языкового материала, такого, как свойство перформативности², можно найти, например, тонкий анализ прагматических особенностей уменьшительных и увеличительных суффиксов. Последние страницы статьи Ю. Д. Апресяна посвящены коннотациям и в частности интерпретации ставших в последнее время «модными» псевдотавтологических высказываний типа *Война есть война*. Утверждается, что «первая позиция в такой формуле актуализует собственное лексическое значение слова, а последняя — его коннотации». Хотелось бы в этой связи высказать свою точку зрения на эти привлекающие общее внимание конструкции, не вполне тождественную трактовке Ю. Д. Апресяна. Действительно, интерпретация второго вхождения ИГ таких конструкций отличается от первого — уже с точки зрения их способа соотносённости с внеязыковым объектом. Так, во втором случае говорят о предикатном употреблении ИГ (ср. терминологию Е. В. Падучевой в [2], когда имя соотносится не с объектом, а с множеством его свойств). У одних имен возможность их предикатного употребления естественным образом «поддерживается» их семантической структурой: это, например, имена деятеля, такие, как *врач*: *врач* — тот, кто лечит. Множество свойств врача очевидно — оно лексикографически задано. С другой стороны, есть имена, связь которых с предикатным употреблением менее тривиальна, — таковы, например, *ребенок*, *волк* или *закон*. Однако подобные имена обладают (по Ю. Д. Апресяну) большим «коннотативным потенциалом», а коннотации, безусловно, есть некоторые, пусть дополнительные, но зато выделенные, отмеченные в языке свойства объекта. Поэтому справедливо, что все ИГ с коннотациями легко участвуют в подобных конструкциях, реализуя «предикатную» природу своего коннотативного компонента. Однако ввиду того, что предикативное употребление второго члена конструкции может поддерживаться не только за счет коннотации, но и за счет другого компонента значения, предложения *Врач есть врач* или *Противогаз есть противогаз* (в последнем случае коннотации, кажется, совершенно отсутствуют) также оказываются вполне допустимыми.

Прагматический подход к изучению русского вида представлен в статье А. Д. Кошелева «О референциальном подходе к изучению семантики вида» [«Референция»]. Основная идея статьи сводится к тому, что семантическое представление значений русского вида должно отражать точку зрения говорящего. Общепринятые компоненты значения вида,

² На фоне приведенного Ю. Д. Апресяном канонического описания перформативности отметим парадоксальную трактовку этого понятия С. В. Кодзасовым в статье «Перформативность и интонация» [«Проблемы»]. При выделении класса перформативных высказываний решающим для С. В. Кодзасова оказывается наличие особой перформативной интонации, которая, наряду с каноническими перформативами, отмечается, например, в идентифицирующих высказываниях типа *Пас в центр* (в репортаже спортивного комментатора).

такие, как, например, полнота действия, предельность и др., не удовлетворяют автора. По его мнению, если в минимальной синтагме типа *Он написал письмо* еще можно говорить о такого рода характеристиках совершенного вида, то в примерах типа *Он написал половину письма* — уже нельзя: это предельность или полнота не в буквальном смысле, а только в представлении говорящего — говорящий дает ситуации некоторую субъективную интерпретацию, «привнося» идею предельности, полноты или, например, начинательности (ср. пример на с. 38 *Иван побродил по парку и пошел домой*, где, по мнению автора, объективной начинательности в *пошел* нет, так как движение Ивана не прерывалось...).

Таким образом, идея семантического описания вида формулируется в рамках подхода, который сам автор называет референциальным (ср. заглавие статьи) и который используется и в других работах А. Д. Кошелева (см. [3] и др.). Суть этого подхода в том, что семантическое представление, которое обычно приписывается данной языковой единице, сопоставляется с его референтом, т. е. с той внеязыковой ситуацией, которой оно соответствует. При этом могут обнаруживаться несоответствия типа описанных выше.

Предлагаемый автором подход можно, по-видимому, назвать новым. Дело в том, что лингвисты при описании языковых единиц ориентируются все-таки на семантический, а не на референциальный уровень представления³. Более того, существуют крайние точки зрения: в некоторых работах прямо утверждается, что язык замкнут сам на себя и как бы «ничего не обозначает» [3], и такого рода утверждения не лишены основания. Ведь говорящий субъективен не только в выборе значения вида — он субъективен и в выборе названия предмета и ситуации: в нормальном случае эта субъективность остается как бы за скобками любого лингвистического описания, рассчитанного на человека. Постановка задачи в том виде, как это делает А. Д. Кошелев, уместна лишь в описании, ориентированном на робота или, например, существо иной цивилизации⁴. Только в таком случае семантическое описание глагола *идти* должно содержать специальное указание на то, что при этом движении человек не находится в сидячей позе (ведь все люди в мире, на каком бы языке они ни говорили, ходят одинаково).

В статье Д. Пайара «К теории перфективизации» [«Проблемы»] также излагается новый подход к изучению вида, основанный на идеях «формальной семантики» А. Кюльоли (подробнее см. обзор [7]). Центральным тезисом автора является отсутствие семантического параллелизма между совершенным видом (СВ) и несовершенным видом (НСВ): если НСВ связан только с темпоральной локализацией процесса, то СВ реализует более «жесткую» концептуальную локализацию процесса, т. е. процесс оказывается в той или иной степени ограниченным свойствами его участников. В связи с этим автор обращается к семантике перфективирующих префиксов, отмечая их сходство с семантикой именных классификаторов, ср. отмеченные еще А. В. Исаченко противопоставления типа *раз-резать* (веревку) — *за-резать* (курицу) — *на-резать* (хлеб) — *по-резать* (дерево) — *с-резать* (мяч). Подчеркивается также более широкая в ряде слу-

³ Референциальный уровень, конечно, используется для решения некоторых чисто лингвистических задач (например, связанных с описанием местоимений), но в таких случаях все равно имеется в виду не действительность, а некоторый новый конструкт, очередное ее отражение.

⁴ Ср. в этом же ряду реальную задачу автоматического создания рисованных мультфильмов по имеющемуся тексту, описание которой см. [5], ср. также [6].

чаев сочетаемость СВ по сравнению с НСВ, ср.: *застроить* (**строить*) *поле*, *запить* (**пить*) *горе* и т. п.

5

Наряду с исследованием прагматических компонентов лексического значения (Ю. Д. Апресян) и грамматического значения (А. Д. Кошелев, Д. Пайар) предлагается также исследование прагматики синтаксиса (И. М. Богуславский, «О прагматике синтаксиса, или один аспект разрешения синтаксического конфликта» [«Прагматика»]). Материалом для этой работы послужили некоторые неправильно (с точки зрения жестких норм русской грамматики) построенные сочинительные конструкции, которые, однако, оказываются вполне приемлемыми и широко используются в реальных текстах. По мнению автора, объяснение такому парадоксу «правильности неправильного» следует искать в том, что слушающий, помимо того, что говорящий сказал, понимает и то, что говорящий *хотел* сказать. Это происходит потому, что слушающий наблюдает и воспринимает не только результат, но и процесс порождения высказывания, — тот путь, которым собирается следовать говорящий, выражая свою мысль.

И. М. Богуславский, таким образом, открывает новое поле исследований и определяет его место в теории языковых описаний — прагматика синтаксиса. Действительно, «при очень существенных успехах, которые были достигнуты прагматикой во многих областях, приходится констатировать, что собственно синтаксической проблематики прагматизация лингвистики коснулась весьма слабо» (с. 105). Синтаксис изучает готовые формы — правильно построенные предложения; прагматика вводит в синтаксис переменные времени и говорящего, создавая тем самым новый предмет исследования — процесс порождения высказывания.

В отличие от «академической» работы И. М. Богуславского, статья Т. М. Николаевой «Лингвистическая демагогия» [«Прагматика»] представляет собой краткую, живо написанную заметку о прагматике, с легко узнаваемыми примерами из разговорного языка и интересными лингвистическими наблюдениями. Если говорящий И. М. Богуславского «забывает» языковые правила, увлекаясь содержанием своего сообщения, то говорящий Т. М. Николаевой, напротив, с большим знанием дела эксплуатирует не только семантические, но и прагматические правила построения высказывания. Слегка изменяя формы выражения, он как бы добавляет некоторую нужную ему, но не соответствующую действительности информацию: создает «фантомного противника», чтобы высказать свои идеи в виде аргументов против якобы существующей теории (*«Некоторые лингвисты считают»*); создает видимость имеющей место нормативной оценки, чтобы обнаружить ее нарушение (*«Вы можете уже полча-са»*) и т. п. Возможность манипулировать прагматическими средствами — тоже прагматика.

В статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки» [«Референция»] речь идет о некоторых нетривиальных компонентах значения русских квантификаторов, таких, как *все / весь, мало / немного, редко / часто, многие / немногие*. Дается тщательный и очень тонкий анализ разнообразных употреблений этих лексем. Например, обнаружена несимметричность количественных оценок «незначительная часть объемлющего множества» и «значительная часть объемлющего множества»: первая применима только в том случае, если эта часть не превышает половины исход-

ного множества, вторая же может быть дана подмножеством, как большему, так и меньшему половине исходного множества, (с. 17): *Многие ушли, но многие остались* и **Мало кто ушел, но мало кто остался*. Авторы настаивают (ссылаясь также на А. В. Гладкого), что естественная языковая квантификация сложнее, чем квантификация математической логики. Во-первых, она основана не на классической теории множеств, в основе аксиоматики которой лежит отношение «элемент — множество», а на теории, опирающейся на отношение «часть — целое», аксиоматика которой была разработана Х. Бюнтом (ср. анализ русского *весь*, предложенный в статье). Во-вторых, в естественном языке оценивается не только количественное соотношение референта с «объемлющим множеством» (ср. употребление лексем *все*, *некоторые* и под.), но в каких-то случаях «количество» референта сравнивается со стереотипом — тем количеством, которое говорящий считает нормальным для данной ситуации (ср. *много*, *мало* и др.). Таким образом, процедура квантификации в естественном языке по сравнению с логикой «обогащена» прагматикой. В-третьих, авторы указывают на важность коммуникативных характеристик кванторных слов, таких, как *мало*, *немного*, *редко* и др. Однако речь здесь идет не только и не столько о предопределенности места квантификатора в темо-рематической структуре высказывания или интонационных характеристиках соответствующих предложений, хотя такого рода информация и приводится для многих рассматриваемых слов. Как показано в статье, подобные коммуникативные характеристики выводятся из значения соответствующих лексем. Ввиду того, что семантическая структура естественных языковых квантификаторов сложнее квантификаторов математической логики, в языке оказываются необходимыми специальные средства выражения этой дополнительной сложности, и ими оказываются коммуникативные характеристики квантификаторов.

6

Прагматика — слишком широкая область, чтобы можно было, точно обозначив ее границы, перейти к следующей, не связанной с ней тематически. В данном случае речь пойдет о группе статей, посвященных исследованию служебных слов, которые, как известно, послужили прекрасным материалом для открытия и исследования многих феноменов прагматики.

Из обстоятельного исследования П. Б. Паршина «Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге» [«Референция»], посвященного лексеме *хоть*, процитируем следующее этнолингвистическое наблюдение (с. 165): «„Наивная“ дипломатия, зафиксированная в семантике и прагматике лексемы *хоть*, — это дипломатия отчетливо неравноправных отношений, дипломатия низжайших просьб и безапелляционных отказов или же широких жестов, тоже по-своему безапелляционных; дипломатия, в рамках которой о совместном поиске решения и о прочих взаимоуважительных способах, осознания своей деятельности говорить, вообще-то, не приходится. Вопрос в духе Вежбицкой, возникающий в этой связи, вполне очевиден, особенно на фоне того известного из исторических исследований обстоятельства, что формирование *хоть* как служебной лексемы приходится на время между XIII и XVIII веками, то есть на достаточно тяжелый период отечественной истории».

Неожиданным образом анализ ситуации диалога и «скрытой полемики» продолжается в статье Тань Аошуан «Неявная пропозициональная установка в контексте полемики» [«Референция»] на материале китайского

языка. Действительно, отсутствие типологических работ по логическому анализу языка — это всего лишь следствие того, что сама область исследований столь сложна, что требует учета разнообразных деталей языкового механизма, а это под силу только носителю языка. Но здесь как раз тот случай, когда китайский материал — конструкция со значением «скрытой полемики» *shi... de* — описывается носителем не только русского, но и китайского языка. Эта конструкция составлена из связки *shi* (не принимающей видо-временного оформления) и показателя номинализации *de*. Наиболее интересным для автора оказывается модальное значение конструкции, при котором говорящий утверждает истинность собственной оценки ситуации, и одновременно «предполагается возможность несовпадения этой точки зрения с мнением других субъектов в их „возможных мирах“» (с. 173).

Статья А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой «Модальные частицы в ответах на вопрос» [«Прагматика»] также рассматривает функционирование служебных слов в диалоге — на этот раз речь идет о русских модальных частицах *ну, да, а*, использующихся в прямых ответах на вопрос. Результаты исследования обобщены в таблице на с. 67, где каждому значению каждой частицы сопоставляется набор значений семантико-прагматических признаков типа «затрудненность ответа», «соответствие ожиданиям спрашивающего», «наличие „выпада“ по отношению к спрашивающему». Остается, однако, неясным, каким образом три предпоследние строки таблицы (соответствующие значениям *ну* «отсылки к упомянутому», *да* «отсылки к фонду знаний» и *а* «отсылки к упомянутому») получают одинаковые признаковые имена. Свидетельствует ли это, что данные значения идентичны или что приведенные признаки недостаточны для процедуры их различения?

7

В статье Ю. Д. Апресяна «Тавтологические и противоречивые анмалии» [«Проблемы»] сформулирован некоторый важный кооперативный принцип, названный автором принципом внутренней последовательности говорящего на протяжении высказывания: «Если говорящий возбудил у слушающего какие-то общие фоновые знания (пресуппозиции) или занял какие-то интеллектуальные позиции, отраженные в модальных рамках выбранных им языковых единиц, то ничто в его высказываниях не должно их отменять». Фактически этот коммуникативный принцип дает оправдание тем правилам согласования семантических, прагматических и других компонентов значения, к которым мы так часто прибегаем в лингвистической практике. Иллюстрацией ему может служить не только языковой материал, рассмотренный в статье Ю. Д. Апресяна, но и примеры из статьи Е. С. Яковлевой «Согласование модусных характеристик в высказывании» [«Прагматика»], а также из статьи Е. М. Вольф «Субъективная модальность и семантика пропозиции» [«Прагматика»]. В последней работе, в частности, формулируется необходимость согласования по оценке субъективной модальности и пропозиции: ср. неудовлетворительность предложения (?) *Я огорчен, что смог вам помочь* (оценки противоположны) и очевидную для слушающего неполноту взятого вне контекста высказывания, в котором пропозиция не содержит никакой оценки, например: (?) *Я огорчен, что лифт выкрашен в коричневый цвет*; (?) *Я огорчен, что дважды два — четыре*.

Между тем тот же сборник [«Проблемы»], где помещена статья

Ю. Д. Апресяна, содержит работы, в которых рассматриваемый языковой материал, на первый взгляд, противоречит кооперативному принципу, предложенному Ю. Д. Апресяном. Во-первых, это статья И. М. Богуславского «О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением „достаточно“ и частицами», где констатируется, что «имплицитная оценка, вносимая парой частиц *не* и *даже* или частицей *только*, преодолевает противоречащую ей имплицитную оценку, содержащуюся в глаголе, и навязывает себя предложению в целом». Во-вторых, это статья Е. Р. Иоанесян «Проблемы эпистемического согласования», из которой становится ясно, что оценки достоверности внутри одного предложения как в русском, так и во французском языке могут быть не согласованы друг с другом. Однако благодаря усилиям авторов, разработавших каждый для своей задачи нетривиальные объяснения выявленных ими языковых фактов, все становится на свои места, и коммуникативный принцип остается в силе. Так, И. М. Богуславский считает, что в его случае аномалия не возникает, поскольку «оценка, заключенная в глаголе, в некотором смысле более имплицитна, более глубоко запрятана в значение предложения, чем оценка, навязываемая частицами» (с. 202), и предлагает уточнить правило о противоречащих смыслах так, чтобы «языковая аномалия возникала лишь тогда, когда противоречащие друг другу смыслы находятся на одном ярусе, то есть равно имплицитны; если же один из них менее имплицитен, чем другой, то он может заглушать его, не приводя к аномалии» (с. 203).

Что же касается эпистемических оценок, то Е. Р. Иоанесян предлагает признать их имеющими разных носителей. Так, в русском предложении *Доктор смутно надеялся, что раненый, может быть, еще дышит* группа *смутно надеялся* содержит оценку, принадлежащую автору (говорящему), тогда как группа *может быть (еще дышит)* — оценку субъекта (т. е. доктора). Не беремся судить, насколько такая интерпретация годится для французского языка, где подобного рода примеры, судя по результатам исследования, предпринятого Е. Р. Иоанесян, распространены, по крайней мере, в значительно большей степени, чем в русском языке. Что же касается возможности применить эту модель к русскому материалу, то она вызывает сомнения и некоторые вопросы. Во-первых, модель действует только «в определенных случаях» (с. 117), а значит, не всегда. Но каковы условия, в которых разрешено (resp. не разрешено) рассогласование оценок? Например, почему предложение **Он знает, что Петя, бесспорно, простудился*, признаваемое автором аномальным, не может, как и разобранный выше пример, быть проинтерпретировано так, что эпистемическая оценка, содержащаяся в *знает*, привнесена говорящим, а показатель достаточной информации (*бесспорно*) имеет своим носителем, например, субъект высказывания? Ограниченное число русских примеров такого рода не позволяет нам сформулировать никакого альтернативного решения; мы можем лишь выдвинуть гипотезу, что в русском языке рассогласованность невозможна в случае «сильных», однозначных оценок (таких, как, например, эпистемическая оценка, имеющаяся у глагола *знать*), но допустима при «слабых» оценках (*может быть, возможно* и под.), когда достоверность утверждается лишь с некоторой, иногда очень небольшой долей вероятности. Чем меньше эта вероятность, тем более приемлема рассогласованность для двух разных эпистемических показателей. Говорящий колеблется, несколько раз меняя свои оценки (вспомним о «прагматике синтаксиса» И. М. Богуславского!); в тех же случаях, когда его оценка однозначна, он придерживается

вается ее и в дальнейшем, как в примере с глаголом *знать* (и здесь он следует «кооперативному принципу» Ю. Д. Апресяна).

8

Моделированию референциального аспекта высказывания посвящены в основном работы логиков, а не лингвистов⁵, см. статьи Е. Д. Смирновой «Референция в интенциональных контекстах» [«Знание»], Л. А. Деминой «Референция и сингулярные термы» [«Референция»], Е. Г. Черной «Логическая структура интенциональных контекстов с анафорической номинацией». Авторы, используя аппарат математической логики, исследуют разного рода нетривиальные контексты, т. е. такие, в которых определение или отождествление референта затруднено. Так, в статье Е. Д. Смирновой рассматриваются контексты мнения и другие контексты с интенциональными операторами, где не всегда возможна взаимозаменяемость кореферентных имен (*Шлиман искал местоположение Трои* # *Шлиман искал холм Гиссарлык*). Очень близкая проблематика обсуждается в статье Л. А. Деминой, где используется введенное П. Гичем понятие «шекспировского контекста». П. Гич ввел этот термин, отталкиваясь от известных слов Шекспира, что «роза под любым именем пахнет сладостью». Главная отличительная черта «шекспировских контекстов» — это то, что в них кодефицированные собственные имена являются взаимозаменяемыми *salva veritate*. В статье, в частности, утверждается, что истолкование контекста как «шекспировского» ближе к интерпретации *de re*; интерпретация же *de dicto* ближе к тем предложениям, которые истолковываются как «нешекспировские». Наконец, в статье Е. Г. Черной моделируются интенциональные контексты, в которых переменные, замещающие анафорическое выражение и его антецедент, связаны различными кванторами; ср., например: *Джоан полагает, что ночью ее хотел убить какой-то человек, но комиссар полиции уверен, что он* (этот человек) *был лишь плодом ее больного воображения*⁶.

9

Следует назвать еще три лингвистические работы, продолжающие «логическую тематику». Это статья Анны А. Зализняк «О понятии имплицативного типа» [«Знание»], статья Е. Э. Разлоговой «Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос» [«Проблемы»] и статья Г. Е. Крейдлина и А. К. Поливановой «Дедуктивная правильность текста» [«Референция»]. Внимание всех этих авторов сосредоточено не на поиске нового языкового материала, а на построении формального аппарата, позволяющего максимально точно описать некоторые достаточно очевидные языковые явления.

В работе Анны А. Зализняк строится классификация пропозициональных глаголов по имплицативным типам, т. е. в зависимости от того, меняет ли истинностное значение подчиненная предикация при отрицании

⁵ В качестве исключения отметим, однако, интересную статью А. Д. Шмелева «Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов» [«Референция»], написанную, преимущественно с лингвистических позиций.

⁶ Ср. также часто встречающуюся в современных рекламных объявлениях фразу: *Если у вас нет никакой профессии, вы можете приобрести ее на нашем предприятии.*

пропозиционального глагола. Всего выявлено шесть имплицативных типов; они сведены в таблицу (с. 110—111) и проиллюстрированы примерами русских глаголов. В заключение перечислены некоторые факторы, способные изменять имплицативный тип: вид глагола в главной предикации, вид глагола в подчиненной предикации, время, лицо, наличие отрицания, способ оформления подчиненной предикации (придаточное или номинализация), контекст «миропорождающих операторов» (сослагательное наклонение, условные союзы, а также подчиняющие операторы типа *сниться*).

Е. Э. Разлогова также строит классификацию, опирающуюся на истинностные оценки пропозиции. В данном случае речь идет о классификации ответов на вопрос. Уже само определение ответа на вопрос строится, исходя из возможности выявить его истинностное значение (см. с. 142): «реплика-реакция А является ответом У-а на вопрос В для слушающего в том и только в том случае, если Х может определить, к какому истинностному значению относится каждая из альтернатив, задаваемых вопросом, в системе знаний отвечающего У-а». При этом рассматривается семизначная логика, в которой имеется три простых, неразложимых истинностных значения — Истина, Ложь, Абсурд (значение «Абсурд» приписывается высказываниям хотя бы с одной невыполненной пресуппозицией); остальные значения описываются через дизъюнкцию простых: значение Не известно приписывается высказываниям (с выполненными пресуппозициями), которые либо истинны, либо ложны, Неопределенность = Истина $\vee$ Ложь $\vee$ Абсурд, Ложь сильная = Ложь $\vee$ Абсурд. Прямые ответы указывают на логический статус выбранной отвечающим альтернативы прямо, без привлечения какой-либо дополнительной информации, ср. возможные прямые ответы на вопрос *Сегодня состоятся игры Уимблдонского турнира?* Да, состоятся; Нет; Не знаю (Истина $\vee$ Ложь); *Сейчас нет Уимблдонского турнира* (Абсурд). Однако в языке широко распространены и не прямые ответы на вопрос, базирующиеся на применении носителем языка опорных правил. Так, на вопрос *Вы принесли бумаги, которые Вам передал секретарь?* прямым ответом с оценкой «Абсурд» будет: *Он мне не передавал никаких бумаг*, а непрямым — *Я с секретарем не виделся*. В последнем ответе отрицается та же пресуппозиция, но применяется опорное правило вида? «Если Х не вступал в контакт с У, то тот ничего ему не передавал. Если У ничего не передавал Х-у, то У не передавал Х-у бумаг». Таким образом, процедура анализа ответа и выявления содержащихся в нем истинностных оценок усложняется, и это усложнение происходит за счет применения логического вывода.

Как раз задаче применения логического вывода при описании понимания естественного языка посвящена упомянутая выше статья Г. Е. Крейдлина и А. К. Поливановой. «Мы убеждены, — пишут авторы (с. 192), — что за интеллектуальными действиями человека стоит „мощная дедуктивная машина“, но мы также убеждены, что система естественной дедукции мало похожа на дедуктику формальных логических систем». Естественноречевая дедуктивная логика исследуется на материале так называемых дедуктивно обязательных высказываний, т. е. таких, языковая форма которых «вынуждает партнера к дедуктивным операциям». Эти высказывания могут содержать специальные лексические единицы (ср. служебные слова *действительно*, *однако*, *ведь* и т. п.), маркирующие дедуктивные процедуры, предполагаемые автором. Именно они составляют наиболее привлекательный для авторов языковой мате-

риал. Так, дедуктивно обязательной лексеме P ; действительно Q сопоставляется следующая дедуктивная схема:

$\langle P \text{ — само по себе очевидно} \rangle$

1. Q
2. $Q \rightarrow P$
3. P

Излагается формальный аппарат, в терминах которого авторы намереваются строить дедуктивную систему для естественного языка (правила вывода, отношения доказуемости, проектный вывод и др., а также понятие модели и интерпретации), и подробно рассматривается пример одного дедуктивно обязательного высказывания с разбором всех ступеней дедукции. Таким образом, работа Г. Е. Крейдлина и А. К. Поливановой предлагает способ формализации той области понимания, которая не связана непосредственно с прямым семантическим анализом языковых единиц.

10

Несколько работ посвящено, так сказать, общим принципам построения текста, например, текста дневника (Т. В. Радзиевская, «Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности» [«Референция»]) или научного текста (Н. К. Рябцева, «Интеррогативность научного языка» [«Проблемы»]). В особенности отметим здесь работу С. Е. Никитиной «Фольклорные и научные тексты: точки соприкосновения и отталкивания» [«Референция»], где сопоставляются различные характеристики текстов двух указанных жанров. Ср., в частности, любопытное замечание автора, касающееся роли метафоры в научном и фольклорном тексте: в научный текст метафора вводится, чтобы прояснить неизвестное читателю, облегчить ему процесс понимания; в фольклорный же — чтобы скрыть известное, так как метафора в фольклоре вырастает из табу.

З а к л ю ч е н и е

Обзор, каким бы объемным он ни был, все равно не способен дать полностью адекватного представления о предмете — в нашем случае, о содержании статей (тем более всех статей). Мы старались быть лишь внимательными читателями — и в качестве таковых не могли не оценить тот труд, который был вложен в издание его составителем и ответственным редактором Н. Д. Арутюновой.

*

В 1990 г. вышло в свет еще два сборника серии «Логический анализ языка». Один из них посвящен проблемам уподобления в языке («Тождество и подобие. Сравнение и идентификация», М., 1990, далее [«Тождество»]), другой — проблемам противопоставления («Противоречивость и аномальность текста», М., 1990, далее [«Противоречивость»]). Сопоставляются и противопоставляются семантические описания лексем⁷, син-

⁷ Ср.: Е. С. Яковлева, «Языковая картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой „далеко — близко“» [«Тождество»]; Е. С. Яковлева, «О связи дейксиса и модальности» [«Противоречивость»]; А. Д. Кошелев, «Классификация актуальных значений процессуальных глаголов по референтно значимым признакам» [«Тождество»]; О. Йокояма (США), «К анализу русских сочинительных частиц» [«Противоречивость»]; Т. Е. Янко, «Еще раз о союзах *а* и *но*» [«Противоречивость»].

таксических конструкций⁸, метаязыковые понятия⁹, некоторые типы текстов¹⁰.

Следующий, седьмой сборник серии «Логический анализ языка» называется «Культурные концепты». Он сдан в издательство и выйдет в будущем году. Сборник составлен по материалам конференции «Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы», проходившей в Институте языкознания 28—30 мая 1990 г. (хроника конференции помещена в ИАН СЛЯ, № 6, 1990 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк Анна А. Знание как единица семантического языка // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Кутаиси, 1985.
2. Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // НТИ. Сер. 2. 1979. № 9.
3. Кошелев А. Д. Об основаниях языковой классификации движений, задаваемой глаголами движения // Семантика и информатика. Вып. 29. М., 1989.
4. Vinograd T., Flores F. Understanding computers and cognition. Reading (Mass.), 1985.
5. Shimazu H., Takashima Y., Tomono M. Understanding stories for animation // Proc. of the 12-th International Conference of computational linguistics (COLING — 88). V. 2. Вр., 1983.
6. Калугина О. С., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. О конференции по вычислительной лингвистике в Будапеште (COLING — 88) // НТИ. Сер. 2. 1989. № 3.
7. Плуменяк В. А. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета-VII // ВЯ. 1988. № 5.

⁸ Ср., например, конструкция *X есть X* в статье А. Д. Шмелева «Парадоксы идентификации» [«Тождество»], конструкция *X есть Y* в статье Тань Аошун «Предложение тождества и акт отождествления» (на материале китайского языка) [«Тождество»], конструкция *N₁ как N₂* в статье П. Серьо (Лозанна) «Сравнение, тождество и имплицитная предикация» [«Тождество»]; эти и некоторые другие конструкции анализируются также в статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Аномалии в тексте: проблемы интерпретации» [«Противоречивость»].

⁹ Ср. противопоставление понятий «тождество» и «подобие» в статье Н. Д. Арутюновой «Тождество и подобие» (Заметки о взаимодействии концептов) [«Тождество»], сравнение таких известных характеристик ситуации, как «факт», «процесс», «состояние» в: Анна А. Зализняк, «О понятии „факт“ в лингвистической семантике» [«Противоречивость»], «относительное и абсолютное время» в: М. А. Кронгауз, «Структура времени и значение слов» [«Противоречивость»], «контраст» и «противоречие» в: С. В. Кодзасов, «Интонация контраста и противоречия» [«Противоречивость»].

¹⁰ Ср. сопоставление ответных реплик в бытовых разговорах и народных пословиц — Т. М. Николаева, «О принципе „некооперации“ и/или о категориях социолингвистического воздействия» [«Противоречивость»].